Я системная заплатка Эхо II
Арон Родович
18+

Арон Родович

Я системная заплатка Эхо II

«Автор»

2026

Родович А.

Я системная заплатка Эхо II / А. Родович — «Автор», 2026

Капля, коты, дурная помощница и испанка аристократка — что нахрен они все забыли в серых землях?

© Родович А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Арон Родович
Я системная заплатка Эхо II

Глава

Название:Я системная заплатка Эхо II
Автор(-ы):Арон Родович

Глава 1

Мокрое и шершавое прошлось по моему лицу, от подбородка до лба, и оставило дорожку, горячую, влажную, пахнущую чем-то кислым, звериным, от чего ноздри обожгло и я дёрнул головой.

— Эхона, отвали, — просипел я. Голос вышел таким, будто кто-то прогнал его через наждачку, тёрку и ещё раз через наждачку. Горло горело. Язык распух, занимал весь рот, на нём стоял привкус меди и чего-то горелого, как будто я жевал провода.

Шершавое прошлось по лицу снова, зацепив нос. Я чихнул, и от чихания грудную клетку прострелило болью, острой, электрической, пробежавшей от рёбер к позвоночнику и обратно. Согнулся, хрипнул, открыл глаза.

Рыжее. Прямо перед моим лицом, в десяти сантиметрах, рыжее, мохнатое, с полосками потемнее, и два глаза, круглых, голубых, ярких-ярких-ярких, как небо, которое я видел над Серыми землями в первый раз. И эти глаза смотрели на меня с выражением, которое мой мозг, ещё плавающий в тумане, перевёл мгновенно: «Ты живой? Ты тёплый. Ты вкусно пахнешь. Можно ещё лизнуть?»

Котёнок.

Рыжий, пушистый, с круглыми ушками и мордочкой, которая была копией Искражор в миниатюре, только мягче, спокойнее, с глазами, в которых плескалось детское любопытство вместо жёлтого огня. Голубые глаза, круглые, мультяшные, с вертикальными зрачками, которые расширились при виде моего открытого взгляда. Размером с крупного домашнего кота, с мягкой шерстью, которая стояла дыбом на загривке, и усами, торчащими в стороны, и от этих усов по моей щеке тянулась мокрая полоса.

Он сидел у меня на груди. Передние лапы упирались мне в ключицу, когти, маленькие, полупрозрачные, цеплялись за ткань футболки, и от его веса грудная клетка ныла, тупо, ровно, словно кто-то положил на неё мешок с песком.

Котёнок лизнул меня в нос. Язык был шершавым, горячим, и от прикосновения по коже прошла волна мурашек, мелких, колючих, как статика, только мягче, теплее. От этой статики пальцы на руках дёрнулись. Я почувствовал руки, они были, и это было хорошо, ведь последнее, что я помнил, это разряд, белый, ветвистый, и после него могло не быть ничего.

— Фу, нельзя... — начал я, закашлявшись. Кашель выворачивал грудь наизнанку, каждый спазм прошивал рёбра. Котенок на груди вздрогнул, прижал уши, но не спрыгнул, вцепился когтями крепче, и от этого хватка ткнулась мне в кожу сквозь ткань, маленькими иголочками, десять штук.

Я откашлялся. Привкус крови на языке, и ещё чего-то, металлического, электрического. А чего я ожидал? Тело лежало на земле, спина на чём-то твёрдом, бугристом, и я чувствовал каждый камешек, каждый корень, каждую складку земли под собой, словно кожу содрали и положили голыми нервами на гравий.

Всё болело. Мышцы, которые ещё час назад слушались, превратились в верёвки, перекрученные, стянутые, и каждое движение отзывалось тянущей болью, от пальцев ног до затылка. Грудь горела, и в этой боли было что-то знакомое, далёкое, как эхо разряда, который прошёл через моё тело и оставил след, тёплый, пульсирующий, похожий на ожог.

Я повернул голову, медленно. Шея хрустнула, позвонки щёлкнули один за другим, от хруста по затылку растеклось тепло, тупое, тяжёлое. Глаза привыкали к свету, мир вокруг собирался по кусочкам, как пазл, который кто-то высыпал на стол. Я проморгался.

Тело Искражор лежало в пяти метрах от меня. Огромное, рыжее, с погасшими полосками и кинжалом, торчащим из левого глаза. Бабочки продолжали кружиться над уже мерт-

вым телом, десятки золотистых крыльев, и их мерцание в полусумерках леса выглядело как похоронные свечи, расставленные вокруг алтаря, который никто не просил.

Второй котёнок лежал у материнского живота, свернувшись клубком. Не двигался. Тишина от него шла плотная, глухая, и я не сразу понял, жив он или нет. Потом увидел, как бок чуть шевельнулся, выдохнул, и от собственного выдоха снова стрельнуло в рёбрах.

Жумбик?

Я скосил глаза влево, и увидел его, и от того, что увидел, горло сжалось.

Он лежал рядом со мной, на земле, бесформенной кляксой. Голубое тело его было тусклым, мутным, как стакан с водой, в который бросили горсть пепла. Поверхность, обычно гладкая, упругая, шла морщинами, мелкими, частыми, как кожа на пальцах после долгой ванны. Три свечения внутри пульсировали, медленно, с перебоями, голубой, оранжевый, зелёный, и между ними, там, где раньше горел фиолетовый, зияла пустота, тёмное пятно в глубине, как дыра в стене, через которую дует.

Фиолетовый сгорел. Тьма Настасьи, которую он впитал, которая делала его сильнее, опаснее, которая была четвёртым свечением из четырёх, ушла на то, чтобы поглотить разряд мёртвой кошки и не дать ему убить меня.

— Жумбик, — позвал я, и голос треснул на середине слова.

Точки-глаза, тусклые, еле различимые, повернулись ко мне. Медленно, с усилием, и в них не было привычной живости, привычного блеска, привычного «папа, кого жрать?» В них была усталость, узнаваемая: я видел такую же в глазах Искражор за минуту до того, как воткнул ей кинжал в глаз.

— Па... — выдавил Жумбик. Звук оборвался, мокрый, булькающий. Поверхность пошла рябью от усилия, свечения внутри мигнули, стабилизировались. Он просто лежал, дышал, если слаймы дышат. От этого зрелища у меня защипало в глазах. Он был моим, он спас мне жизнь, и я не мог ему помочь ничем.

Котёнок на моей груди мяукнул. Тонко, требовательно, ткнувшись мордочкой мне в подбородок, лизнул снова. Шершавый язык вернул меня, собрал, переключил мозг с режима «умираю» на режим «инвентаризация».

Пальцы, десять штук, шевелятся. Руки, две, на месте, перчатки на них, тёмно-коричневые, подогнанные системой. Ноги, две, чувствую, тяжёлые, но двигаются. Голова на плечах, и внутри неё что-то работает, пусть со скрипом. Футболка на плечах, порванная, с подпалинами. Кинжал в глазу кошки, надо забрать.

— Эхона, — позвал я мысленно.

Тишина в ответ. Длинная, пустая.

— Эхона!

Молчание, и от этого молчания по позвоночнику прошёл холод. Она никогда не молчала, всегда отвечала, подкалывала, комментировала. Её тишина была такой же неестественной, как тишина в серверной, когда вырубается питание.

— Эхо...

— Тут я, — раздался голос, и я выдохнул, и от выдоха рёбра снова взвыли. — Тут. Не ори. У меня голова раскалывается.

«У тебя нет головы. Ты системный спутник.»

— У меня есть всё, что я решу иметь, и прямо сейчас у меня есть головная боль, которая может посоревноваться с твоей. Разряд прошёл через Жумбика, через тебя, и через нашу связь зацепил меня. Я последние... сколько я была в отключке? Неважно. Я перезагружалась. Как компьютер после синего экрана, если тебе так понятнее.

Она появилась рядом, и я скосил глаза, чтобы увидеть её, и замер.

Костюм кровавой смерти исчез. Коса исчезла. Вместо этого на Эхоне был белый халат, короткий, выше колена, с красным крестом на нагрудном кармане. Белая шапочка с тем же

крестом, белые чулки, туфли на каблуке. В правой руке она держала шприц, огромный, размером с её предплечье, с иглой, которая блестела на свету и выглядела так, будто ею можно было проткнуть бронетранспортёр.

— Что за... — начал я вслух.

— Медсестра, — сказала Эхона, поправив шапочку, и улыбнулась, и улыбка эта была такой, от которой пациенты бегут из больницы через окно, с капельницей и в одном тапке. — Ты ранен, я лечу. Антураж соответствует.

— Ты не можешь лечить. У тебя нет навыка лечения.

— Зато у меня есть навык морального давления и шприц размером с багет. Лежи смирно, пациент.

— Убери эту дрянь от меня.

— Я ещё даже не начала, — промурлыкала она, покрутив шприц в пальцах. Игла блеснула. Из всех способов умереть в этом мире, смерть от гигантского шприца в руках рыжей садистки в костюме медсестры была бы самой нелепой, а значит самой вероятной, учитывая мою удачу.

— Ладно, — сказал я вслух, попытался сесть. Мышцы живота отозвались такой болью, что я упал обратно, зашипев сквозь зубы. Котёнок на груди подпрыгнул от моего движения, мяукнул возмущённо и вцепился когтями крепче. — Ладно. Докладывай. Что произошло, пока я валялся. Уровень. Скажи мне мой уровень.

— Леон...

— Уровень, Эхона. Ну? Пятидесятый? Хотя бы тридцатый? Я убил кошку двенадцатого ранга. Двенадцатого. Это сто двадцать пятый уровень. Мне должно было прийти столько опыта, что у системы калькулятор бы задымился. Ну? Какой у меня уровень?

Эхона посмотрела на меня, и лицо у неё изменилось, улыбка медсестры-садистки сползла, и на её месте осталось что-то, от чего меня продрало морозом раньше, чем она открыла рот.

— Нулевой, — сказала она.

Тишина. Котёнок на груди лизнул мне подбородок. Бабочка села мне на колено, крылья мерцали янтарём.

— Повтори, — попросил я, и голос звучал ровно, спокойно, и от этого спокойствия мне самому стало страшно, ведь ровный голос в такой ситуации означал, что мозг ещё не обработал информацию и работает на автопилоте.

— Нулевой. Путь Силы ноль. Путь Магии ноль. Общий уровень ноль. Опыт... — она замялась. — Три десятых по Силе, одна десятая по Магии. Как было. Ничего не изменилось.

Я лежал на спине, рыжий пушистый ком на моей грудной клетке мурчал, мёртвая кошка размером с микроавтобус лежала в пяти метрах с моим кинжалом в глазу, и я только что узнал, что убийство существа сто двадцать пятого уровня не принесло мне ни единицы опыта.

— Как. — Слово вышло сухим, плоским, как камень, брошенный на бетон.

— Помнишь, я рассказывала тебе про баланс? Про правило разрыва?

«Нет. Рассказывай.»

— Ты нулевого уровня. Она сто двадцать пятого. Разрыв между вами такой, что система не считает это боем. Вообще. Для системы Эхо это как если бы муравей раздавил слона, который уже умирал. Слон мёртв, муравей цел, опыта муравей не получает. Он не убивал слона. Он добил тело, которое уже сдавалось.

— Это бред, — сказал я, и злость поднялась, горячая, от живота к горлу, и от неё заныли зубы. — Полный бред. Я подошёл, я ударил, я воткнул кинжал, и я убил. Это я. Моя рука. Мой кинжал. Мой удар.

— Да, — согласилась Эхона. — Твоя рука. Твой кинжал. Твой удар. И ноль твоего опыта. Потому что правило работает в обе стороны, Леон. Помнишь, я говорила: убей существо слиш-

ком слабое, и ты не получишь ничего? Мух бить бесполезно, помнишь? Так вот, это зеркало. Существо слишком сильное, разрыв слишком большой, и система решает, что ты не участвовал. Что это был не бой. Что это был... несчастный случай. Стечение обстоятельств. Добивание.

— Я не...

— Ты добил раненое, истощённое, умирающее существо, у которого не было сил даже встать. Ты подошёл к кошке, которая проиграла бой трём охотникам десятого-двенадцатого ранга. Ты ударил кинжалом с уроном сорок-шестьдесят существо, чей максимальный запас здоровья исчисляется шестизначными числами. И ты получил ровно столько опыта, сколько заслужил по мнению системы. Ноль.

Я закрыл глаза. Потолок, белый, знакомый, моей московской квартиры, не появился. Вместо него чернота, в которой пульсировала боль в рёбрах, привкус меди на языке, тяжесть котёнка на груди. Котёнок продолжал мурчать, понятия не имея, что его мать лежит мёртвая в пяти метрах, а человек, на котором он сидит, минуту назад узнал, что убил её зря.

«Зря» было неправильным словом. «Впустую» подходило лучше, точнее, холоднее. От этого холода хотелось ударить кулаком в землю, но тело отказывалось двигаться. Кулак остался лежать вдоль тела, перчатка на нём скрипнула, когда я сжал пальцы.

— Леон, — голос Эхоны стал тише. — Мне жаль. Правда. Я должна была предупредить раньше. Я знала про правило разрыва, знала, что оно работает в обе стороны, и я... — пауза, и в этой паузе я услышал что-то непривычное. — Я не подумала. Я была уверена, что убийство такого уровня перекроет любой разрыв. Я ошиблась.

Я открыл глаза. Она стояла рядом, в своём дурацком костюме медсестры, со шприцем-багетом в руке. Лицо у неё было таким, какого я видел только раз, в самом конце, когда разряд ударил мне в грудь, когда она кричала моё имя. Виноватое, тихое, настоящее.

— Ты ошиблась, — повторил я. — Замечательно. Я убил кошку. Мать двух котят. Существо, которое защищало своих детей. Воткнул ей нож в глаз, посмертный разряд чуть не убил меня, Жумбик потерял одно из четырёх свечений, чтобы я выжил. Всё это было... зря. Впустую. Ноль опыта. Ноль уровней. Ноль прогресса.

— Источник, — сказала Эхона, и голос её подобрался. — Источник Искражор. Он всё ещё в теле. Белое пятно на груди, помнишь? Оно погасло, но ядро внутри. Его можно извлечь. И он стоит...

— Я знаю, сколько он стоит. Ты уже говорила. Компонент, ресурс, инструмент. Для высокоранговых.

— Для тебя тоже, — настоятельно проговорила она. — Я пока не знаю, как именно, но источник двенадцатого ранга...

— Потом, — отрезал я. — Потом. Дай мне минуту.

Эхона замолчала. Я лежал, мурчание на груди проходило через грудную клетку, через рёбра, через мышцы, ровное, тёплое, вибрирующее. Я чувствовал его всем телом, и от этого вибрирующего тепла боль в рёбрах притупилась, чуть-чуть, на полтона, точно кто-то убавил громкость.

Второй котёнок у тела матери поднял голову. Я увидел это краем глаза, рыжая мордочка, голубые глаза, и он смотрел на меня, и от его взгляда внутри сжалось сильнее. В этом взгляде не было обвинения, ненависти, понимания того, что произошло. Он просто смотрел. Маленький, мохнатый, с полосками на шерсти, и мать его лежала рядом с ножом в глазу.

Я собрался с силами, сжал зубы, сел. Мышцы живота взвыли, грудная клетка стрельнула, рыжий мяукнул, сползая мне на колени, вцепившись когтями в штанину. Мир качнулся, поплыл влево. Я упёрся ладонью в землю, подождал, пока он остановится. Перевернулся, и немного ахринел.

— Ариэлла! — вырвалось, голос хриплый, надтреснутый. Только когда слово повисло в воздухе, я сообразил, что все это время говорил вслух с Эхоной, не зная, что нахожусь не

один. Рыжая была моим спутником, которого не видят другие, и разговоры с ней выглядели как разговоры с пустотой.

Ариэлла сидела в трёх метрах от меня, привалившись спиной к стволу, и моргала, часто, сонно, как человек, которого выдернули из забытья. Глаза мутные, расфокусированные, волосы прилипли к виску, и на щеке отпечаталась кора дерева, красная полоса, от которой она рефлекторно потёрлась ладонью.

Я же оставил её у камня, раненую, с обещанием вернуться. Каким-то образом она добралась сюда, ждала, похоже, пока я валялся, и в какой-то момент её сморило: ранение, усталость, измотанное тело взяло своё. Мой голос вытащил её из забытья, и на лице проступал вопрос, медленный, неуверенный: «Ты сейчас с кем разговаривал?»

— Ты сейчас с кем разговаривал? — спросила она, и голос у неё был осторожным, как у человека, который подходит к незнакомой собаке и не уверен, дружелюбная она или кусается.

Мозг заработал, быстро, судорожно, как движок, который завели с третьей попытки. Я разговаривал с Эхоной. Вслух. Ариэлла дремала в трёх метрах. Какие-то обрывки могли до неё долететь, мой голос мог вытащить её из сна, и сколько она слышала, я не знал, и от этого незнания по спине продрал холодок.

— Головой приложился, — сказал я и потёр затылок, и затылок действительно болел, так что жест вышел натуральным. — Сильно, видимо, бормочу всякое. Бывает.

Ариэлла смотрела на меня. Во взгляде мелькнуло сомнение, лёгкое, как тень облака, и я видел, как она решала, поверить или нет. Потом взгляд скользнул на тело Искражор, на кинжал в глазу, на котёнка у меня на коленях, сомнение сменилось смесью уважения и настороженности.

— Ты её убил, — проговорила Ариэлла, и это прозвучало полувопросом-полуутверждением.

— Добил, — поправил я, и слово отдало горечью на языке. — Она умирала. Я просто... ускорил процесс.

«Раньше нельзя было предупредить?!» Мысль полетела по нашей связи, как пощёчина. «Что мы тут не одни? Что Ариэлла рядом? Что я выгляжу как психопат, который разговаривает сам с собой?!»

— А ты мне не приказывай, — отозвалась Эхона мысленно, и в голосе плеснулось раздражение, настоящее, не наигранное. — Я десять минут назад перезагрузилась. Десять. У меня половина функций ещё не восстановилась. Радар еле пашет. Сенсоры размытые. Я её почувствовала, когда ты её уже сам увидел. Когда пришла, тогда пришла. Я понятия не имею, я была в отключке. Так что будь добр, включи благодарность и выключи наезды.

Я сглотнул. Горло обожгло, привкус меди проступил на языке снова. Посмотрел на Ариэллу другими глазами. Раненая магичка, которая дотащилась до поляны с мёртвой кошкой, нашла меня, ждала.

— Спасибо, что пришла.

Ариэлла пожала плечами, поморщившись от движения. Рука прижала бок, и я увидел ткань, пропитанную чем-то тёмным, повязку, самодельную, из полоски одежды.

— Ты ушёл и не вернулся, — проговорила она. — Я ждала. Потом услышала гром, землю тряхнуло. И тишина. Долгая. Я бы пошла сама, но не знала куда. А потом пришёл он.

Она кивнула на Жумбика.

— Твоя тварь. Выкатился из леса, начал прыгать передо мной, пищать, тянуть куда-то. Я поняла, что с тобой что-то случилось. Пошла за ним. Но ожидала найти… Труп, — проговорила она, и от прямоты этого слова мне стало легче, парадоксально, глупо, потому что честность в этом мире, оказывается, работала как обезболивающее. — Твой труп, рядом с её трупом. Вместо этого нашла тебя, живого, без сознания, с твоим... — она посмотрела на Жумбика,

лежащего рядом со мной. — С твоей тварью рядом. Она лежала на тебе и закрывала собой. Я не стала трогать.

Взгляд упал на Жумбика. Он лежал мутным пятном на земле, три свечения пульсировали слабо, и тёмное пятно внутри, там, где был фиолетовый, выглядело как рана, которая не затянется.

— Он спас мне жизнь, — сказал я, позволив голосу дрогнуть. Это была правда, и правда иногда имеет право на дрожь. — Посмертный разряд вышел из пятна на груди кошки. Это была молния, и Жумбик принял все на себя, и от удара потерял... — я замялся, подбирая слова, которые имели бы смысл для человека, не связанного с моей системой. — Потерял часть себя.

Ариэлла кивнула, и я прочитал в этом кивке понимание, неполное, рабочее, достаточное. Магичка. Она знала, что значит «потерять часть себя» на языке Эхо.

Котёнок на моих коленях мяукнул, выгнул спину, потянулся. От потяжки крошечные когти прошли сквозь штанину, кольнули кожу десятью иголочками, я дёрнул ногой.

— Папа, — тихо булькнул Жумбик с земли. Звук слабый, мокрый, через силу, и от этого «папа» у меня сжалось в груди, горло стиснуло. Я протянул руку и положил ладонь на его поверхность.

Холодный. Жумбик был холодным, впервые с того момента, как сожрал огненную белку, и под ладонью пульсировала вибрация, рваная, неровная, как пульс с перебоями, и оранжевое свечение внутри него мигнуло при моём прикосновении, тускло, устало.

— Держись, — сказал я ему, и слова были идиотскими, бесполезными, как «выздоравливай» на открытке, но других у меня не нашлось.

— Папа, — повторил Жумбик. Голубое желе чуть спружинило под моей рукой, прижалось. От этого прижатия мне стало теплее, хотя он был холодным. Тепло шло изнутри, из меня к нему, и это было правильно, потому что он отдал за меня одно из четырёх свечений, и меньшее, что я мог сделать, это погреть его ладонью.

Ариэлла наблюдала за этим молча. Лицо её было непроницаемым, но глаза, светлые, серые, двигались, от меня к Жумбику, от Жумбика к котёнку, от котёнка к мёртвой Искражор, и я видел, как она собирает картинку, складывает пазл, и результат этого пазла ей пока не нравится, но она ещё не решила, что с этим делать.

— Тебе нужно встать, — сказала она. — Здесь опасно. Тело привлечёт падальщиков. Крупных.

Она была права, и я знал это раньше, чем она сказала, ведь запах крови, кошачьей, густой, стоял в воздухе, как маяк, и всё, что умело нюхать в радиусе километра, уже повернуло сюда морду.

Я собрался. Стиснув зубы, упёрся ладонями в землю, встал. Мир качнулся, ноги дрожали, колени хрустели, каждая мышца в теле напомнила о себе отдельной, адресной болью, как будто тело составило список претензий и зачитывало его вслух.

Котёнок спрыгнул с моих коленей, приземлился мягко, на четыре лапы, и сел у моих ног, задрав мордочку вверх, и голубые глаза смотрели на меня с выражением, которое я читал как: «Ты большой. Ты тёплый. Ты мой.»

Его брат у тела матери поднялся, выгнул спину, и тоже уставился на меня. Глаза такие же, голубые, круглые, и в них было что-то другое, тяжелее, тише, и я подумал, что этот, второй, понимал больше, чем первый.

Я поднялся и шагнул к телу Искражор.

Глава 2

Запах ударил в нос. Густой, звериный, с примесью электричества. Шерсть на мёртвом теле уже начала тускнеть, рыжее уходило в серое, полоски, которые ещё час назад светились, стали мёртвыми линиями. Кинжал торчал из левого глаза, рукоять блестела засохшей жидкостью, потемневшей, бурой. Обхватил рукоять, перчатка скрипнула по металлу. Потянул.

Он вышел с мокрым тягучим звуком. Желудок подпрыгнул. Лезвие в мутной слизи, темнее обычной крови, от неё шёл кислый электрический запах, от которого заныли зубы. Я вытер лезвие о шерсть кошки длинным движением. Сталь заблестела. Тусклая, простая, урон от сорока до шестидесяти, ни одного очка опыта.

Убрал кинжал за пояс. Взгляд сам нашёл белое пятно на груди Искражор. Погасшее, тусклое, с трещинами от центра, как разбитое стекло. Где-то внутри лежал источник, ядро двенадцатого ранга. Нужно было его достать, но прямо сейчас я мог думать только о том, что стою на ногах, и это уже было достижением.

«Источник потом,» сказала Эхона мысленно, считывая моё состояние, сканируя, как умеет, урезанными сенсорами. «Ты еле стоишь. Жумбик в отключке. Ариэлла ранена. Эта поляна через час будет кишеть падальщиками. Нужно найти укрытие.»

«А котята?»

Пауза. Долгая, для Эхоны.

«А что котята?» спросила она, без иронии, без подколки, голосом, от которого по спине прошёл холодок. «Ты хочешь их оставить? Или забрать?»

Глаза нашли котёнка у моих ног. Тёплый, мягкий, голубоглазый. На лапках уже угадывались розовые подушечки, из них торчали крошечные полупрозрачные когти. По одному пробежала искорка. Одна, еле заметная. Мигнула и погасла.

Электрическая. Как мать.

Перевёл взгляд. Второй сидел у тела, рядом с мёртвой Искражор, не уходил. На его мордочке было что-то, что я отказывался называть скорбью. Он котёнок, существо первого или второго уровня, откуда у него скорбь, откуда понимание? Всё равно в груди ныло тупо, тяжело, хотелось отвернуться.

— Забираю, — сказал я. — Обоих. — Черт, снова вслух.

— Обоих, — повторила Эхона, и в голосе мелькнула нотка, которую при большом желании можно было принять за облегчение.

Ариэлла, которая услышала слова «забираю» и «обоих», посмотрела на меня, потом на котят, потом снова на меня.

— Ты собираешься забрать котят Искражор? — спросила она, и в голосе смешались удивление и настороженность.

— Да. Они здесь не выживут.

Я не стал добавлять «потому что я добил их мать». Слова торчали в воздухе и так, непроизнесённые, но громкие. Ариэлла их слышала: отвела взгляд на секунду, пальцы сжались на повязке.

Первый котёнок мяукнул и ткнулся мордочкой мне в ботинок, который был в крови и копоти. Котёнок тёрся об него щекой с выражением, будто это лучшая вещь на свете.

Тот, другой, не двигался. Сидел у тела и смотрел.

Я подошел к нему медленно, на ватных ногах. Присев на корточки, услышал, как колени громко хрустнули, и котёнок резко вздрогнул, прижав уши. В голубых глазах мелькнуло что-то быстрое, острое.

— Эй. Пойдём.

Котёнок смотрел на меня. Потом на мать. Потом снова на меня. Простой детский вопрос во взгляде, на который не было ответа. Протянул руку, котёнок отшатнулся, из лапки выскочил коготь, маленький, полупрозрачный. По когтю пробежала искорка, ярче, чем у первого, кончики моих пальцев закололо.

— Тихо, — прошептал я, успокаивая его. — Тихо. Я не обижу.

Рыжий комок шипел. Тихо, тонко, шипение смешное и жалкое одновременно. Маленький рыжий шарик шипел на человека, который убил его мать, и он, возможно, это понимал. Моя рука, протянутая к нему, дрогнула.

Жумбик булькнул. Тихо, с земли, еле слышно. От этого звука котёнок повернул голову к голубой кляксе, лежащей в метре от него. Что-то произошло, что-то, чего я не понял, какой-то обмен, молчаливый, на языке, которого у меня не было.

Котёнок перестал шипеть. Посмотрел на Жумбика, потом на меня, потом снова на Жумбика. Встал, пошёл мимо, прямо к голубому, прижался мордой к сверкающей поверхности. Жумбик чуть вздрогнул, свечения внутри мигнули, все три, одновременно. Котёнок лёг рядом с ним, свернувшись, прижался.

— Дети, — тихо сказала Эхона. — Дети находят друг друга.

Выпрямившись, я повернулся к Ариэлле. Она все так же сидела у ствола. Свет, пробивавшийся сквозь обугленные кроны, ложился ей на лицо неровными пятнами, глаза казались светлее, прозрачнее.

Жумбик.

Я уставился на него, и мысль вернулась, тяжёлая, тёплая. Он привёл Ариэллу. Семьдесят килограммов водяного желе, потерявшего свечение, пропустившего через себя молнию, нашли силы дотащиться до раненой магички и привести её ко мне. Он продолжал лежать расплывшейся лужей, три тусклых свечения пульсировали через силу. При всём этом он сделал больше, чем я заслуживал.

— Папа, — булькнул Жумбик с земли, тихо, и это прозвучало как «пожалуйста».

— Ты лечила меня? — обернулся я к Ариелле.

Она покачала головой.

— Это не потребовалось. Физически ты цел. Ожоги поверхностные, мышечный спазм, удар по нервной системе. Ты был просто... выключен. Как масляная лампа, в которую перестали подавать масло. Тело на месте, фитиль на месте, огня нет.

— И ты решила не будить меня?

— Я не знала, стоит ли, — честно сказала она. — Выводить человека из такого состояния, когда не понимаешь, что именно его вырубило... можно навредить. Можно сделать хуже. Я решила ждать. Если через час не очнёшься, попробую.

«Она права,» мысленно подтвердила Эхона. «Тебя вырубил электрический разряд, прошедший через Жумбика. Магия жизни тут бесполезна. Нужно было просто подождать, пока нервная система перезагрузится, и ты сам придешь в сознание.»

Кивнул, и в затылке стрельнуло, лицо скривилось. Ариэлла заметила гримасу, в её глазах мелькнуло профессиональное, оценивающее, взгляд хилера, который считывает повреждения по мимике.

— Голова? — спросила она.

— Терпимо.

Эхона стояла в трёх шагах, и крутила гигантский шприц в пальцах. Белый халат облегал её фигуру так, что у спецформы, похоже, были собственные представления о том, где заканчивается медицина, а где начинается что-то совершенно другое. Подол едва доходил до середины бедра, ткань натягивалась при каждом повороте в тех местах, на которые я старался не смотреть. Чулки, белые, с тонкой полоской кружева по верхнему краю, уходили вверх, теря-

лись под халатом. Воображение услужливо дорисовывало остальное, кровь приливала к лицу. Нечестно. Я минуту назад чуть не умер, имел полное право на мысли посерьёзнее.

«Перестань пялиться,» мысленно рявкнул я сам на себя. «Ты на поляне с трупом, двумя котятами и раненой магичкой. Соберись.»

«А я что?» невинно отозвалась Эхона. По связи дошло, что она улыбается, широко, по-кошачьи. «Я просто стою. В рабочей одежде. Медицинской. Для оказания первой помощи между прочим. Ты сам всё остальное додумываешь, а это просто забота. Поблагодарил бы.»

«Убери шприц. Надень что-нибудь нормальное.»

«Тебе не нравится?»

«Мне...» Я запнулся мысленно. Эхона почувствовала, улыбка на её лице стала шире, зелёные глаза блеснули. Раунд был проигран ещё до того, как начался.

«Я всё-таки мужчина,» сдался я. «Мне двадцать четыре года, я полтора дня в мире, где единственная женщина рядом со мной, системный спутник, одевается как персонаж из моих подростковых фантазий. Что ты от меня хочешь?»

«Честности,» промурлыкала Эхона. «И ты только что её дал. Спасибо. Запомню.»

«Ненавижу тебя.»

«Знаю. Мне тепло от этого.»

Магичка наблюдала за мной, и я понял, что снова замер с пустым взглядом, уставившись в точку, и что со стороны это выглядит как человек, у которого мысли зависли на полдороге.

— Нам нужно найти укрытие, — сказала она деловым хилерским тоном. — Тело привлечёт падальщиков. Крупных. Я знаю пещеры в часе ходьбы на север.

— Есть вариант ближе. Руины. В нескольких сотнях метров отсюда. Может, меньше. Я там уже был. Туда никто не подходит. Ни твари, ни... — я замялся, подбирая слово. — Ничего живого.

Она замерла. Лицо изменилось, по нему прошла тень, быстрая, как облако, закрывшее солнце.

— Руины? — переспросила она, голос стал тише, настороженнее, пальцы на повязке сжались. — Какие руины? Те, что на холмах? С серыми стенами?

— Серые стены, обрушенная крыша, камень такой... странный, — я описал то, что помнил. — Внутри пусто. Тихо. Мне показалось, что даже насекомые туда не залетают.

— Проклятое место, — выдохнула Ариэлла, и от этих слов по спине прошёл знакомый холод, который появлялся каждый раз, когда этот мир решал напомнить, что я ничего о нём не знаю. — Туда даже мы не ходим. Охотники обходят стороной. Там Эхо неправильное, оно... — она поискала слово, — вытягивает. Из тебя. Как будто руины пьют силу. Маг зайдёт туда на час, выйдет слабее, чем вошёл. Плетения рассыпаются, потоки глохнут. Мёртвая зона.

«Слышала?» подумал я.

«Слышала,» ответила Эхона, и в её мысленном голосе я уловил что-то, похожее на щелчок, как будто деталь встала на место. «Руины пожирают Эхо. Высасывают из магов энергию, разрушают плетения. Поэтому туда никто не ходит. Поэтому там пусто и тихо. Поэтому ни одна тварь не подходит близко.»

«А для нулевого уровня...»

«А для нулевого уровня там нечего пожирать. Ноль Эхо. Ноль маны. Ноль плетений. Руины будут тянуть из тебя силу, ничего не найдут, и ты будешь сидеть внутри как в крепости, потому что всё, что сильнее тебя, то есть вообще всё в этом мире, побоится зайти.»

«Мой нулевой уровень, из-за которого я не получил опыта за кошку сто двадцать пятого уровня, внезапно стал преимуществом.»

«Ирония, Леон. Этот мир любит иронию.»

— Я догадывался, что с тем местом что-то не так, — сказал я Ариэлле. — Я там был. Но со мной ничего не случилось, потому что мне нечего терять. У меня... — я замолчал, подбирая

слова, которые не выдадут слишком многого. — У меня нет того, что руины могут забрать. Я пустой.

Она смотрела на меня, взгляд хилерский, расчётливый. Взвешивала: пещеры в часе ходьбы через лес, полный тварей, с раненым боком, с нулёвкой, который еле стоит, с двумя котятами и полудохлым слаймом. Или руины в нескольких сотнях метров, проклятые, мёртвые, зато близко и туда никто не полезет.

— Ты убил Искражор, — проговорила она медленно. — Кошку двенадцатого ранга…

— Сто двадцать пятого уровня, — поправил я. Слова вылетели раньше, чем я успел их поймать. От собственной оговорки я прикусил язык, физически, привкус меди проступил снова.

— Уровня? — Ариэлла подняла бровь. — Ранга. Она двенадцатого ранга. Что за «уровни»?

— Не обращай внимания, — я потёр висок, поморщившись. Головная боль в этом мире становилась моим универсальным алиби. — Помутнение. Мне пока я был в отключке, снилась всякая дрянь.

— Какая дрянь?

— Рыжая помощница, — ляпнул я, и от этого «ляпнул» Эхона в моей голове издала звук, который я перевёл как подавленный визг. — Такая... рыжая. Зелёные глаза. Зовут Эхона. Она постоянно переодевалась в какие-то сексуальные наряды и раздражала меня.

— Тебе снилась рыжая женщина в сексуальных нарядах, — повторила Ариэлла, и на её лице проступило выражение «мне нужно знать, с кем я связалась, и каждый ответ делает картину страннее».

— Она была очень назойливая, — добавил я.

«Я тебя убью,» пообещала Эхона мысленно. «Медленно. Шприцем.»

— А тебе... нравятся сексуальные наряды? — осторожно спросила Ариэлла, и вопрос прозвучал так, будто она проводила медицинскую диагностику, и ответ определял, к какой категории пациентов меня отнести.

— Я мужчина, — сказал я, разведя руками. От жеста рёбра стрельнули, я зашипел. — Мне двадцать четыре. Сны я не выбираю.

Ариэлла кивнула. Я узнал этот кивок: врач, который записал симптомы и пока отложил диагноз.

— А «уровни»? Это откуда?

— Из снов, наверное. Что-то из игр. Мне кажется, я... — я замялся, и замялся по-настоящему, потому что каждое следующее слово было минным полем. — Я мало что помню. Очнулся здесь. В Серых землях. Знаю, что меня зовут Леон. Знаю, что у меня есть палка и вот этот кинжал, — я коснулся рукояти за поясом. — Твой кинжал, кстати. Спасибо.

Блондинка моргнула. Медленно, один раз, и за этим морганием стояла пересборка. Она разбирала и собирала заново всё, что знала обо мне, новая картинка не совпадала со старой.

— Ты попаданец, — сказала она. Прозвучало полувопросом-полуутверждением, и от слова «попаданец» у меня дёрнулось что-то в груди. В этом мире, оказывается, было слово для таких, как я. Звучало обыденно, привычно, как «охотник» или «магичка».

— Может быть, — сказал я. — Я не знаю, как сюда попал. Знаю, что я тут. Знаю, что хочу выжить. Знаю, что убил Искражор, и мне от этого ни жарко, ни... — я осёкся и поправился, — мне от этого ничего, кроме головной боли и двух котят.

Молчание тянулось. По глазам читалось: пересматривает условия. Думает. Считает. Взвешивает. Хилер, который потерял группу, раненый, одна в Серых землях, и рядом попаданец нулевого ранга, который добил Искражор, разговаривал сам с собой и видел во сне рыжих женщин в сексуальных нарядах.

— Руины, — сказала она наконец. — Пошли к ним.

Кивнув, развернулся к Жумбику, и тут взгляд зацепился за белое пятно на груди мёртвой кошки. Трещины расходились от центра, как паутина, и внутри, под растрескавшейся шерстью и тканью, тускло мерцало что-то, еле заметное, как угасающий светлячок.

Источник. Ядро двенадцатого ранга. Эхона сказала «потом», но «потом» в Серых землях означало «никогда», потому что через час сюда набегут падальщики, о чем меня уже предупредили, и от Искражор останутся кости. Источник сожрут вместе с мясом. Двенадцатый ранг, ядро существа, которое стоило мне четвёртого свечения Жумбика, кинжала в глазу и посмертного разряда, сгинет в брюхе какой-нибудь ящерицы.

Взгляд прошёлся по котёнку у ног. По второму, лежащему рядом с Жумбиком. По мёртвой кошке.

«Эхона.»

«Знаю, о чём ты думаешь. И нет.»

«Я не буду потрошить их мать у них на глазах.»

Пауза. Короткая, удивлённая.

«Леон... Это разумно.»

«Это по-человечески.»

Присев, взял котёнка с земли. Тёплый, мягкий, он мяукнул, дёрнув лапками, когти прошли по тыльной стороне ладони, тонкие царапины, жгучие. Протянул его Ариэлле.

— Подержи. Я сейчас вернусь.

Она приняла рыжий комок обеими руками. Котёнок мяукнул, упёрся лапками ей в грудь, и что-то в её лице дрогнуло на мгновение. Материнское. Быстро спрятанное под маской. Но пальцы легли на шерсть осторожно, привычно, так кладут руки люди, которые знают, как держать маленьких хрупких существ.

— Что ты собрался делать? — спросила она, хотя по глазам было ясно: догадалась.

— Источник, — сказал я коротко.

Развернулся и пошёл обратно к телу. Тяжело. Мышцы тянули, колени гудели. Земля под ногами пружинила чужой мягкостью, влажная от тёмной крови, натёкшей из-под тела. Запах крепчал с каждым шагом, густой, звериный, электрический, горло перехватывало, рот наполнялся слюной, той, которая приходит перед рвотой.

Присел на корточки у груди Искражор. Белое пятно на рёбрах, размером с ладонь. Потрескавшееся, похожее на высохшее озеро со спутника. Под трещинами угадывалось слабое свечение, розоватое, пульсирующее так медленно, что можно было принять за игру света.

Источник лежал глубоко. Под шерстью, под кожей, под мышечной тканью. Вросший в грудную клетку, в рёбра, в то место, которое у кошек, наверное, тоже считается сердцем. Кинжалом тут не обойтись. Нужны были руки.

«Эхона. Как его доставать?»

«Режь вокруг пятна. Потом руками. Он вросший, привязан к рёбрам хрящами, но после смерти связки ослабевают. Вырвешь.»

Вытащив кинжал, приложил лезвие к краю белого пятна. Повёл, надавливая. Мёртвая кожа сопротивлялась, плотная, толстая даже после смерти. Из-под лезвия потекло тёмное, густое, холодное. На перчатки, на запястья. Пальцы свело.

Вырезал полукруг вокруг пятна. Потом второй. Кинжал скрежетнул по ребру, вибрация прошла от лезвия по рукояти, по ладони, по запястью, до локтя, и зубы сжались сами. Убрал кинжал, отложил на шерсть рядом. Засунул руки внутрь.

Тёплое. Мёртвое, но тёплое. Руки по запястья погрузились в грудную клетку электрической кошки двенадцатого ранга. Желудок подпрыгнул. Сглотнул, загоняя тошноту обратно. Пальцы нащупали что-то твёрдое, гладкое, размером с мужской кулак, горячее, ощутимо горячее окружающей ткани. От него шла вибрация, ровная, глубокая, как сердцебиение, которое ещё не поняло, что хозяин мёртв.

Потянул. Источник не поддался. Хрящи, Эхона говорила про хрящи, и я чувствовал их, плотные, скользкие, обхватившие ядро, как пальцы, которые не хотят отпускать.

Вцепился крепче. Перчатки скользили по гладкой поверхности, упёршись коленом в ребро кошки, рванул, ребро хрустнуло, по телу прошла волна дрожи, чужая, как будто мёртвое тело вздрогнуло в последний раз.

Рванул.

Хрящи лопнули с мокрым треском, руки дёрнулись на себя, и я чуть не упал на спину, но удержался, и в ладонях у меня лежал источник Искражор.

Гладкий. Тяжёлый. Размером с кулак, бело-розовый, по поверхности молочная сетка трещин, похожий на камень, выточенный из перламутра. Внутри пульсировало мерцание, тёплое, живое, совершенно не подходящее мёртвому телу, из которого его вырвали. Грел ладони сквозь перчатки ровным сухим жаром, пальцы расслабились, мышцы рук чуть отпустило, как будто камень делился теплом с тем, кто его держит.

Поднявшись, осмотрел себя. Руки по локоть в крови. Тёмная, густая, чуть темнее человеческой. Перчатки пропитались насквозь, на футболке прибавилось мокрых пятен, несло звериным, электрическим, как от мясника после смены. Источник сунул за пазуху, к груди. Тепло растеклось по рёбрам, похожее на уют, неуместный, странный посреди выжженной поляны с трупом.

Подобрал кинжал, вытер о шерсть ещё раз, спрятал за пояс. Вернулся к остальным.

Ариэлла стояла, прижимая котёнка к груди. Второй сидел рядом с Жумбиком, мордочкой в голубое желе. Магичка смотрела на меня, на мои руки, на кровь на куртке, на тёмные разводы на лице, которые я, видимо, оставил, когда вытирал пот.

— Всё-таки, — проговорила она тихо, и на лице проступило что-то неожиданное. — Какое-то сердце в тебе есть.

Моргнув, уставился на свои окровавленные руки, потом на неё. Связь между этими двумя вещами дошла до меня секунды через три, и когда дошла, горло сжалось.

Она говорила про котят. Я не стал потрошить их мать у них на глазах. Отнёс подальше, сделал грязную работу сам, вернулся. Для неё это было... чем? Добротой? Заботой? Или просто базовой человечностью, которую она не ожидала увидеть в попаданце нулевого ранга, который бормочет себе под нос и видит во снах рыжих женщин?

— Слушай, — сказал я, вытирая руки о штанины, и кровь оставляла на ткани бурые мазки, от которых ткань промокала и липла к коже. — Я тебе говорил, что у меня есть кто-то с клыками и когтями?

Ариэлла нахмурилась, вспоминая. Мотнула головой.

— Ну вот, — я развёл грязными руками, и от жеста с пальцев упала капля, шлёпнулась о камень у моих ног. — А сейчас у меня теперь целых два с клыками и когтями. Электрических. Двенадцатого ранга, если дорастут до мамки. Мне есть прямой смысл их выращивать.

Котёнок у неё на руках мяукнул, выгнул спинку, потянулся и ткнулся мордочкой Ариэлле под подбородок. Она вздрогнула, губы дёрнулись, давя улыбку. Не додавила. Уголок рта поехал вверх, на секунду, и тут же вернулся на место.

— Ну ты и воспитатель, — сказала она, и голос прозвучал суше, чем лицо. — Выращивать собрался. А кормить их ты чем будешь? Это дети, их нужно кормить причем каждый день. Мясом. Свежим. Ты хоть раз кормил кого-то, кроме себя?

— У меня слайм, — ответил я. — Его я кормлю.

— Ты кормишь слайм, — повторила Ариэлла, и в голосе проступила интонация, знакомая мне по всем разговорам с Эхоной. Интонация женщины, которая разговаривает с человеком, чей план настолько абсурден, что спорить с ним бессмысленно, и единственное, что остаётся, это наблюдать, как он сам убедится в собственном идиотизме. — Чем?

— Он сам находит, — сказал я. — Он жрёт... разное.

«Технически правда,» подтвердила Эхона мысленно. «Жумбик жрёт всё, что угрожает тебе. Включая огненных белок пятнадцатого уровня. Кормление организовано отлично. По принципу самообслуживания.»

— Котята, — сказала Ариэлла, глядя на меня тем взглядом, которым смотрят на человека, собирающегося заплыть через реку с кирпичами в рюкзаке, — не жрут «разное». Им нужно молоко. Потом мясо. Мелко нарезанное или разорванное. Тёплое и регулярное. У тебя есть молоко, Леон? Или мелко нарезанное тёплое мясо?

Я опустил взгляд на свои руки, покрытые кровью по запястья. Перевёл на Искражор, лежащую в пяти метрах с развороченной грудиной. На Ариэллу.

— Мясо у меня есть, — сказал я. — Много. Свежее. Тёплое. Лежит прямо вон там.

Ариэлла проследила за моим взглядом. Лицо её поехало, медленно, неумолимо, от профессиональной маски к выражению, в котором ясно читалось «ты серьёзно предлагаешь кормить котят мясом их собственной матери». Потом закрыла глаза, выдохнула, открыла, и во взгляде была та самая усталость, которую я уже видел у Эхоны, у Жумбика, у всех, кто проводил рядом со мной больше получаса, усталость от человека, который воспринимает мир как набор ресурсов с числовыми значениями.

— Нет, — сказала она. Одно слово, тихое, окончательное.

— Я пошутил.

— Нет, не пошутил.

— Ладно, не пошутил. Но идея рабочая. С точки зрения выживания...

— Нет, Леон. Нет. Мы это обсудим позже. Много позже. В другом месте. Когда я буду в состоянии объяснить тебе, почему нельзя кормить детей их собственной матерью, на уровне, который дойдёт до твоего... помутнения.

«Мне она нравится,» прокомментировала Эхона. «Серьёзно. Она мне нравится.»

Поднял руки. Жест капитуляции, ладони вперёд, бурая кровь на перчатках.

— Хорошо. Обсудим позже. Идём к руинам.

Наклонившись к Жумбику, протянул руку. Жумбик выпустил щупальце. Слабое, тонкое, бледнее обычного, оно обвило кисть еле-еле. Подтянул его вверх, плечо просело под весом, привычно, тяжело. Тепла от него не шло. Холодный Жумбик пробирал глубже, чем любой ветер в этом лесу.

Ариэлла передала мне котёнка. Рыжий комок запрыгнул с её рук мне на свободное плечо, точно делал это всю жизнь. Когти вцепились в ткань куртки, тёплое пушистое мурчащее устроилось у шеи. По коже побежали электрические мурашки.

Его брат вернулся к телу матери и смотрел на нас.

— Иди, — позвал я. — Пожалуйста.

Котёнок прижался носом к мёртвой шерсти. На секунду, на две, по его телу прошла дрожь, мелкая, быстрая. Потом развернулся, шагнул, один шаг, маленький, на мягких лапках. По спине прошло тепло, которого не должно было быть.

Он пошёл за нами. Я чувствовал его шаги за спиной, лёгкие, мягкие. Просто следом, в трёх шагах, молча.

Мы уходили от тела Искражор. Геймер нулевого уровня с нулём опыта, слайм, потерявший четвёртое свечение, раненая магичка, и два котёнка электрической кошки, мать которых лежала посреди выжженной поляны с развороченной грудиной и погасшими полосками.

Оглянувшись на ходу, увидел бабочек, кружащихся над телом, десятки золотистых крыльев, мерцание угасало, медленно, по одной, как свечи, которые догорают на поминальном столе.

Ариэлла шла рядом, чуть прихрамывая, рука на боку, лицо закрытое. Котёнок на плече мурчал тихо, ровно, мурчание вибрировало в ключице, тёплое, щекочущее. Эхона держалась

слева, в своём халатике, перекинув шприц-багет через плечо, как оружие. Тень от шприца ложилась мне на ноги, длинная, тонкая, похожая на копьё.

Никто не говорил. Лес трещал где-то в стороне, ветка упала, глухо, далеко, котёнок на плече прижал уши от звука, вцепился когтями крепче, и от когтей кожу кольнуло сквозь куртку.

— Эхона.

Я сказал это тихо. Вслух, но так, чтобы Ариэлла не расслышала, почти выдохнул, шевельнув губами.

Она повернула голову. Рыжие волосы качнулись, зелёные глаза нашли мои. В них не было игры, подколки, костюма медсестры. Просто Эхона, которая кричала моё имя, когда разряд ударил мне в грудь.

— Спасибо, что жива, — сказал я одними губами.

Она сбилась с шага. На полсекунды, не больше, пальцы на шприце сжались крепче. Я видел, как горло дёрнулось, как будто она сглотнула, хотя системным спутникам нечего глотать.

Потом она отвернулась. Посмотрела вперёд, на дорогу, на серые стены руин, проступающие сквозь обугленные стволы. Подбородок чуть поднялся. Рыжие пряди упали на плечо, последний луч, пробившийся сквозь кроны, скользнул по одной из них, и прядь вспыхнула медью, ярко, на секунду, как будто волосы загорелись.

— Спасибо, что очнулся, — ответила она, тоже вслух, тоже тихо, голосом, в котором не было ни грамма иронии.

Просто слова. Тёплые. Настоящие. Как источник за пазухой, который грел грудь ровным сухим жаром, напоминая, что в этом мире можно убить чудовище, вырвать у него сердце, забрать его детей, покрыться кровью по локти и при этом чувствовать тепло. Настоящее, живое. Идущее от слов существа, которое не должно уметь чувствовать.

Мы шли к руинам. Лес расступался перед нами, обугленный, мёртвый, тихий. Где-то впереди серели стены, которые пожирали Эхо и боялись все, кроме нулёвки, которому нечего было терять.

Кроме источника за пазухой, слайма на плече, двух котят и рыжей в белом халате, которая шла слева, молчала и улыбалась так, что я видел уголок губ, поднятый на миллиметр, и этого миллиметра хватало.

Глава 3

Руины приняли нас тишиной, она ощущалась неправильной, я уже успел привыкнуть, что у тишины в Серых землях есть фактура, шорох рыже-серой травы, треск сухих веток, далёкий гул чего-то большого и голодного на самом краю слышимости. Здесь не было ничего. Звук обрывался у первой же стены, будто кто-то набросил на это мертвое поселение звукопоглощающую сетку, и под ней наши шаги, наше дыхание, тихое бульканье Жумбика на моём плече становились единственным, что вообще существовало в мире.

Ариэлла остановилась у края, не дойдя до пролома двух шагов, ритм её шагов за моей спиной сбился, а потом и вовсе пропал.

— Я дальше не пойду, — сказала она.

Я повернулся. Она стояла на той невидимой линии, где территория леса кончалась и начинался серый камень.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.